

На следующее утро Сюй Юньшань позвонил на кредитную платформу, чтобы договориться о дате погашения долга.

Эту платформу ему посоветовал старшекурсник ещё в университете. Сервис в целом казался надёжным: несмотря на внушительную сумму займа, Юньшань ни разу не допускал просрочек, поэтому его до сих пор никто не тревожил.

Оператор ответила на звонок. Юньшань изложил суть дела, однако разговор с самого начала не задался.

Сверившись с данными в базе, девушка виновато произнесла:

— Видите ли, господин Сюй... у вас довольно специфическая ситуация. Если вы внесёте сейчас только шестьдесят тысяч, проценты не пересчитают. Вы всё ещё планируете гасить часть долга?

Сюй Юньшань замер от неожиданности:

— Разве проценты не должны начисляться на остаток суммы после частичного погашения?

— В вашем кредитном тарифе есть особый пункт, — с некоторой запинкой объяснила оператор.
— Проценты пересчитываются только после погашения половины от основного долга. В договоре это прописано. Может, перечитаете условия?

Юньшань долго молчал, переваривая услышанное.

— Понятно. Тогда пока не нужно. Спасибо.

Положив трубку, он некоторое время не сводил глаз с экрана. Почти гаснущий дисплей вновь вспыхнул от касания пальца.

Он открыл список контактов, пролистал вниз и замер на одном имени.

Три года назад, когда Хэ Мучжи попал в больницу с обострением, Юньшань ещё учился в университете.

Тот период превратился в сплошной кошмар: дипломная суматоха наложилась на отчаянные поиски денег для лечения брата. С его тогдашним положением ни один банк не выдал бы заём — оставались разве что ростовщики под бешеный процент.

Когда Юньшань зашёл в тупик, именно этот человек протянул руку помощи: посоветовал

проверенную платформу и даже выступил поручителем, взяв на себя финансовые риски. Только благодаря ему удалось получить столь крупную сумму.

Вот только... намерения у него были далеко не бескорыстными.

Сюй Юньшань смотрел на имя на экране, но нажать кнопку вызова так и не решился.

Тогда у него попросту не было выбора. Кроме подписи в графе «заёмщик», Юньшань даже не вникал в детали оформления.

Теперь, когда всё сложилось именно так, изменить ничего не удастся — остаётся лишь принять это как факт.

Устало потерев переносицу и не давая себе времени на жалость к себе, он заблокировал телефон и вернулся к эскизам.

За день до начала съёмок, глубокой ночью, Юньшань наконец закончил последний эскиз.

Все эти дни он крутился как белка в колесе: помимо рисунков приходилось вчитываться в сценарий, прорабатывать грим и причёски персонажей, подбирать необходимый реквизит.

Главного героя картины звали Сюй Фань. В сценарии его жизнь делилась на три периода: детство, юность и зрелость. Ребёнка играл маленький актёр, а вот юношу и взрослого Сюй Фаня — Янь Тин.

Хотя образ героя срисовали с самого Юньшаня, история подавалась через призму восприятия Хэ Мучжи. Кое-какие детали тот знал лишь поверхностно, а художественный вымысел и вовсе искажил реальные события.

Финал сценария пока оставался открытым. Режиссёр У Цюфэн объяснил, что концовку ещё утверждает съёмочная группа, но на начальный этап работы над гримом это не влияет, так что Юньшань не стал забивать себе голову.

Съёмки проходили прямо в городе, неподалёку, поэтому Юньшань решил не селиться в отель. В день старта он приехал на площадку ни свет ни заря. Съёмочная группа уже суежилась вовсю, подготавливая локацию и расставляя реквизит.

Сегодня снимали сцены детства Сюй Фаня в больничных палатах — для этого арендовали специальный павильон. Вскоре после приезда Юньшаня один за другим стали подтягиваться актёры.

В кадр сегодня должны были выйти сам маленький Сюй Фань, его старший брат Хэ Ян в

детстве и их мать — Сюй Хуаньчжи. Роль маленького главного героя досталась пятилетнему Цзинь Цзю. Из-за раннего часа мальчуган еле хлопал сонными глазами и выглядел совершенно потерянным.

К удивлению Юньшаня, на площадке появился и Янь Тин. За те несколько дней, что они не виделись, тот ещё сильнее исхудал, однако держался с привычным небрежным изяществом. Сходу подхватив Цзинь Цзю на руки, Янь Тин принялся обходить съёмочную группу, со всеми здороваясь, а затем направленно шагнул к Юньшаню.

Повернув малыша к визажисту, Янь Тин мягко произнёс:

— Цзюцзю, знакомься, это дядя Сюй. Он сейчас сделает тебя самым красивым.

Сюй Юньшань: «...»

Мальчонку по пути успели затискать и потрепать по щекам, так что сонливость как рукой сняло. Он любопытно уставился на Юньшаня, а потом недоумённо склонил голову:

— Разве он дядя? Он же совсем молодой!

— Да где же молодой? — хмыкнул Янь Тин. — Он ровно в пять раз старше тебя.

Сюй Юньшань: «...»

При ребёнке Юньшань не стал устраивать сцен, но откровенного раздражения в голосе скрыть не сумел:

— Твоих сцен сегодня нет. Зачем припёрся?

— А если нет сцен, уже и приехать нельзя? Эта площадка — твоя личная собственность, что ли? — огрызнулся Янь Тин, будто Юньшань задолжал ему пару миллионов. При этом на его лице сияла безупречная, ослепительная улыбка, так что сбитый с толку Цзинь Цзю только глазами хлопал.

Юньшань предпочёл промолчать — разговор явно зашёл в тупик. К счастью, вовремя подоспел режиссёр У Цюфэн: декорации почти завершили, и Цзинь Цзю пора было отправлять на грим.

Спустив мальчика на землю, Янь Тин ушёл вместе с режиссёром. Юньшань с минуту смотрел ему вслед, пока не почувствовал, как чья-то тёплая ладошка обхватила его палец.

Опустив взгляд, он увидел Цзинь Цзю. Малыш снизу вверх смотрел на него чистыми,

доверчивыми глазами, лучащимися детским любопытством.

В них читалась та самая невинная чистота, присущая только маленьким детям — чистый лист, на котором ещё ничего не написано.

Юньшань хорошо знал сценарий сегодняшней сцены. И ему казалось почти невозможным, чтобы этот трогательный ребёнок через полчаса погрузился в тот кошмар, который ему предстояло сыграть.

Сжав крошечную ладошку, Юньшань тихо сказал:

— Пойдём.

Цзюцзю оказался удивительно послушным мальчиком. Единственное — ему непременно нужно было крутить что-то в ручках, но в остальном он сидел смирно.

Для детского грима требовался минимум косметики, да и сам процесс не отличался сложностью, так что минут через тридцать всё было готово.

Гримёрку обустроили скромно, в соседней от съёмочной площадки комнате. Пока актрису, игравшую мать, всё ещё гримировали, У Цюфэн зашёл за ребёнком — перед съёмкой юному актёру требовалось отдельно разжевать задачу, ведь сцены с малышами всегда требовали особой проработки.

Вместе с режиссёром заглянул и Янь Тин. Проводив Цзинь Цзю взглядом, он прошёл в гримёрку, перебросился парой дежурных фраз с актрисой и уселся на соседний стул рядом с Юньшанем. Впрочем, самого Юньшаня он словно не замечал, уткнувшись в экран смартфона.

Когда актриса закончила и ассистенты потянулись на площадку, в комнате остались только двое.

Юньшань гипнотизировал взглядом кисти для грима, увязнув в собственных мыслях.

По-хорошему, пока идёт съёмка, гримёр обязан присутствовать на площадке и следить за кадром. Но мысль о том, какие именно эпизоды сейчас будут снимать, заставляла Юньшаня сомневаться.

Режиссёр У, похоже, прекрасно понимал его чувства, потому и не стал звать.

— Не пойдёшь смотреть?

Голос Янь Тина раздался совсем рядом. Юньшань вздрогнул, очнулся от раздумий, но выпрямил спину и промолчал.

Раздался щелчок блокировки. Янь Тин вытянул длинные ноги, оттолкнулся от пола и вместе со стулом подкатил вплотную к Юньшаню.

— Может, примерим грим прямо сейчас?

Юньшань хмуро посмотрел на него:

— Твои сцены только через неделю. Тогда и сделаем.

— Всё равно делать нечего, — отмахнулся Янь Тин. — Утвердим образ заранее, чтобы потом не терять драгоценное время.

Юньшань отвернулся, всем видом показывая отказ. Насчёт образа Янь Тина у него имелись кое-какие соображения, но окончательная концепция пока не сложилась. Казалось бы, прототипом персонажа был он сам — проработать стиль должно быть проще простого. Но как только дело доходило до конкретики, что-то словно сковывало его мысли, не давая сосредоточиться.

Вообще-то, пробный грим действительно мог бы натолкнуть на свежие идеи, но настроения не было вовсе.

Раз Юньшань молчал, Янь Тин донимать его не стал. Он откинулся на спинку стула, скрестил вытянутые ноги и вновь погрузился в телефон.

Спустя пару минут он как бы между прочим спросил:

— Чем ты занимался эти дни?

Юньшань на секунду замер:

— Какое тебе дело?

—... — Янь Тин зажмурился и тяжело, с шумным выдохом выпустил воздух. — Да, никакого.

Он резко выпрямился, и в его голосе прорезалось раздражение:

— Я что, задолжал тебе кучу денег? Или сделал что-то проклятое, раз ты со мной сквозь зубы разговариваешь?

Юньшань опять сжал губы, хотя внутри всё закипало. Он ума не мог приложить, чего Янь Тин от него добивается. Пеняет на плохой тон... А сам-то? На себя со стороны смотрел?

Они и так ладили из рук вон плохо. Не проще ли игнорировать друг друга вне работы, чем нарываться на грубость?

Видя непроницаемый профиль Юньшаня, Янь Тин заводился всё сильнее. Он прекрасно знал этот свинский характер, но холодное равнодушие каждый раз выводило его из себя.

Драка с Юньшанем снилась ему на протяжении всех семи лет — настолько въелась в память, что даже сейчас перед глазами вспыхивали мельчайшие детали.

Он до смерти хотел выяснить причину. Но спросить напрямую? Ни за что. Спустя столько лет таить обиду на школьную потасовку — да он будет выглядеть как брошенная невеста!

Это была молчаливая дуэль. Стоит проявить слабость первым — и ты проиграл.

Янь Тин мысленно повторил свою давнюю клятву: «Если не заставлю Юньшаня назвать меня батей, буду последним псом», справился с эмоциями и выдавил максимально ровным тоном:

— В конце концов, мы учились в одной школе, а теперь работаем вместе. Простая вежливость между коллегами, не надо так нервничать.

Юньшань мысленно прокрутил их разговор и не нашёл в своём поведении ни капли нервозности. Спорить с Янь Тином сил больше не было. Раскрыв гримёрный кейс, он отрезал:

— Ладно. Давай примерим образ.

По прошлым разам Юньшань знал: во время нанесения грима Янь Тин обычно замирал, как статуя, закрывал глаза и переставал источать яд — редкие минуты, когда его не хотелось придушить.

Услышав согласие, Янь Тин скривил губы, выражая недовольство, но всё же затих.

Он наблюдал, как Юньшань раскладывает баночки, и время от времени переводил задумчивый взгляд на его профиль.

— Ты вот этим собираешься меня красить? — вернулся к своей привычной развязной манере Янь Тин. — Моё лицо стоит миллионы. Случится аллергия — расплатиться сумеешь?

Юньшань онемел. А когда он раньше красил его тестерами и пробниками от брендов, всё

устраивало?

Не понимая, какая муха опять укусила этого павлина, Юньшань выдавил каплю тонального крема на тыльную сторону ладони:

— Я только что гримировал Цзинь Цзю этими же средствами.

— Он — это он, а я — это я, — отрезал Янь Тин. — При чём тут возраст и тип кожи? К тому же баночки у тебя полупустые, явно куча народу туда пальцами лазила. Предлагаешь мне пользоваться общими средствами?

Пальцы Юньшаня сжались на флаконе тонального крема.

Янь Тин, не замечая его состояния, продолжал как ни в чём не бывало:

— Кейс Цзянцзян лежит у меня в машине, возьми лучше...

Глухой удар.

Юньшань швырнул флакон обратно в сумку, стремительными движениями сгрёб остальные принадлежности и с силой вытер крем с ладони салфеткой.

На него и без того давным-давно давил тяжёлый груз, а нахождение в одной комнате с Янь Тином требовало последних сил. Выносить эти постоянные поддёвки и придирки больше не было никакой возможности.

Юньшаню и самому хотелось встряхнуть его и спросить: за что? Зачем вести себя как последний ублюдок? Неужели всё из-за той драки семилетней давности? Но ведь у самого Янь Тина из всех травм остался лишь крошечный, незаметный шрам на шее!

Зачем приставать? Зачем лезть со своими разговорами за пределы работы?

Зачем снова и снова заставлять его возвращаться в прошлое?

Хватит.

Он просто не сможет. Он не в состоянии работать с этим человеком.

Юньшань подхватил кейс и устремился к выходу. Лишь тогда Янь Тин понял, что перегнул палку, и рванулся следом.

Он попытался схватить Юньшаня за локоть, но тот дико отшатнулся и сбросил его руку. Тогда Янь Тин успел вцепиться в ляпку его рюкзака.

— Да что с тобой?! Ты хоть дать человеку договорить можешь?

Юньшань замер. Напряжённая спина буквально излучала ледяную ярость.

Он медленно повернулся. В его взгляде, устремлённом на Янь Тина, вспыхнула вся накопившаяся за эти дни боль и чернеющая обида.

Пока Янь Тин от неожиданности разжимал пальцы, Юньшань вырвал ляпку рюкзака и произнёс застывшим, глухим голосом:

— Я тебе не прислуга. Ищи другого гримёра.

<http://bllate.org/book/20603/2130787>